

КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА И КУЛЬТУРА (1970-ые годы)

ЭДУАРД ДЕМЕНЧОНОК (Москва), БАГРАТ ГАРИБДЖАНИЯ

70-е годы, совпавшие с новым обострением кризиса капитализма, вошли в историю буржуазного Запада как «кризисное десятилетие». Его начало ознаменовалось целой бурей социально-политического протеста, прокатившейся по странам Западной Европы и США,—массовыми волнениями, восстаниями в негритянских гетто, движением студенчества за реформу образования, протестами против войны во Вьетнаме, подавления гражданских свобод и бюрократизации различных сфер жизни, усилением забастовочной борьбы. Экономический кризис 1973—1975 гг. — и сегодня напоминающий о себе безудержной инфляцией, высоким уровнем безработицы, расстройством международной валютной системы, обострением энергетических проблем, — развеял иллюзии «неограниченных возможностей» «регулируемой» государственно-монополистической экономики.

События этого десятилетия наглядно подтвердили вывод, сделанный Международным совещанием коммунистических и рабочих партий в канун 70-х годов: «Даже в наиболее развитых странах капитала миллионы людей испытывают муки безработицы и нужды, неуверенность в завтрашнем дне. Вопреки утверждениям о «революции в доходах», о «социальном партнерстве», капиталистическая эксплуатация усиливается... Возросла неустойчивость системы капитализма. Во многих странах вспыхивают социально-политические кризисы, в ходе которых широкие трудящиеся массы осознают необходимость глубоких, решающих изменений»¹.

Обострение кризиса наложило свою печать на всю социально-экономическую и духовную жизнь западного общества, привело к глубоким сдвигам в общественном сознании. Если недавний экономический спад, по признанию самих буржуазных теоретиков, стал повторением «великой депрессии» 30-х годов, то в идейно-духовной жизни Запада преобладающими становятся настроения разочарования, нигилизма, тревоги за будущее, прямо перекликающиеся с «кризисом веры» и пессимизмом первой половины XX в. Мотивы шпенглеровского «Заката Европы» возрождаются ныне в «глобальных» масштабах в разном

¹ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.», М., 1969, с. 298.

рода культурно-цивилизационных, экологических теориях и апокалиптических прогнозах футурологов. «Шок столкновения с будущим», «Эко-спазм», «Пределы роста», «Разочарование в прогрессе», «Упадок современного мира», «Самоубийство Запада» — таковы характерные «бестселлеры» 70-х годов.

Кризис нанес ощутимый удар буржуазной идеологии и прежде всего ее официально-апологетическому ядру. Сама действительность разрушила тщательно культивировавшийся этой идеологией в послевоенные десятилетия миф о вступлении капитализма в эпоху бескризисного и бесконфликтного развития. Характеризуя состояние «шока» от столкновения с кризисом, американский футуролог Олвин Тоффлер писал: «Было непостижимо, что менее чем за год все наши представления об изобилии, досуге и беспредельном росте оказались опрокинутыми. Все розовые ожидания 50-х и 60-х годов оказались внезапно отброшены перед лицом растущей общественной опасности того, что так недавно было еще совершенно немыслимым»².

В сложившейся ситуации буржуазные теоретики предпринимают отчаянные попытки удержать идеологическую инициативу. Приспосабливаясь к новому состоянию общественного сознания, они стремятся к «модернизации» идеологии, обновлению ее традиционного фасада, расширению концептуального арсенала и «техники» идеологического воздействия. Эти попытки обнаруживают себя в частой смене концепций, переходе от плоского технофетишизма «индустриальных» теорий к более гибкой «постиндустриальной» доктрине, освоении и культивировании футурологии. Стремлением завоевать популярность, восстановить былое влияние объясняется и столь неожиданное для апологетической идеологии — а по существу лицемерное — использование модной леворадикальной фразы, официальное усвоение внешней стилистики социально-критического мышления. Этот метаморфоз отчетливо виден в работах таких столпов официальной идеологии, как Раймон Арон, Уолт Ростоу, Збигнев Бжезинский, Дэниел Белл. Авторы, некогда прославлявшие капитализм в терминах «социальной интегрированности» и «всеобщего благоденствия», ныне объявляют себя сторонниками нововведений, готовы изъясняться в стиле леворадикальной риторики, а главной темой их работ становится кризис.

Камуфлирование кризиса становится особенно актуальной задачей буржуазной идеологии. На ее осуществление направляются как традиционные пропагандистские методы, так и новейшие приемы манипулирования массовым сознанием. От прежнего прямолинейного, «лобового» отрицания кризиса западные теоретики вынуждены перейти к более гибким формам, которые допускают определенные критические признания наиболее бьющих в глаза пороков капиталистической организации, но при этом маскируют его глубинную, социально-классовую основу. Констатируя различные проявления кризиса, буржуаз-

² A. Toffler, The eco-spasm report, New Ycrk, 1976, p. VII.

ные идеологи стремятся, однако, оторвать их от внутренних антагонизмов государственно-монополистической системы, скрыть действительное материальное ядро переживаемых обществом противоречий и конфликтов — социально-экономические отношения капитализма³. Эта общая идеологическая тенденция обозначает основные параметры новейших социально-философских концепций. Спекулируя на реальной сложности современных проявлений общего кризиса капитализма, метафизически абсолютизируя отдельные его аспекты, буржуазные теоретики создают многочисленные версии кризиса — экологические, антропологические, цивилизационные и т. п.

Довольно распространенной является *технико-организационная* интерпретация кризиса, согласно которой неурядицы и конфликты западного общества проистекают из-за недостаточной технической и управленческой обеспеченности отдельных звеньев и «подсистем» государственно-монополистической организации. В качестве основного противоречия выдвигается конфликт между отживающим «индустриальным» и передовым «техно-электронным» секторами (З. Бжезинский, Г. Кан, Б. Брюс-Брингс)⁴. Та же логика лежит и в основе работ, ставящих во главу угла *экологический* кризис, связанный с истощением природных ресурсов⁵.

Другой версией кризиса является его *антропологическая* интерпретация. А. Вебер, А. Гелен, Г. Штент и другие представители этого направления усматривают корень зла в «природе человека», его изначальной иррациональности и агрессивности. Наиболее откровенным выражением этих взглядов явились известные манипуляционные концепции американских психологов Б. Скиннера и Х. Дельгадо, открыто оправдывающие практику государственного манипулирования тем, что биологическое развитие в современном обществе будто бы отстает от технического, а потому манипуляция является необходимым средством «психологической адаптации» человека к окружающей действительности⁶.

Широкое распространение в последние годы получило *культурно-цивилизационное* истолкование кризисных процессов, источник которых усматривается в явлениях духовного, ценностно-этического плана. Подобная версия в той или иной мере воспроизводит идею круговращающихся «культурных суперсистем» («идеальной», «чувственной» и «идеалистической») П. Сорокина и концепцию «цивилизационных цик-

³ Обобщающая характеристика «антикризисных» функций буржуазной идеологии содержится в статье Э. Ю. Соловьева «Кризис и идеология кризиса» («Общественные науки», 1977, № 1).

⁴ Z. Brzezinski, *Between two Ages. America's role in the technotronic era*, New York, 1970; H. Kahn and B. Bruce-Briggs, *Things to come. Thinking about the seventies and eighties*, New York, 1972.

⁵ J. Forrester, *World dynamics*, New York, 1971; D. Meadows a. o., *The limits to growth*, New York, 1972.

⁶ B. Skinner, *Beyond freedom and dignity*, New York, 1972; J. Delgado *Psychocivilized direction of behavior* («The Humanist», m/a, 1972).

лов» А. Тойнби. Новейшим примером тому может служить книга Р. Синзи, в которой кризис западного общества рассматривается как фатально неизбежное проявление «трагической диалектики цивилизации»⁷.

Концепции такого рода замыкаются на проблемах культуры, рассматриваемой изолированно от других сторон общественной жизни. Весь спектр противоречий и конфликтов современного капитализма редуцируется в них к «духовному кризису». Исторический процесс получает в этих концепциях идеалистическую трактовку, а сфера культуры откровенно антидиалектическим образом отрывается от экономического базиса общества. Как утверждает, например, английский социолог Г. Викерс, нынешний кризис вызван несоответствием традиционной системы ценностей перед лицом «технологического взрыва»⁸. Аналогичная идея — «роковой» разрыв между существующими ценностными нормами и «неуправляемым процессом научно-технического развития» — проводится и в фундаментальном труде «Образы будущего: XXI столетие и последующие». Более симптоматично, однако, то, что авторы этого исследования, в числе которых такие видные американские и западноевропейские философы и социологи, как Роберт Банди, Вэндел Белл, Фред Поллак, Роберт Юнк, Жак Элли и др., выражают серьезную тревогу за «духовное оскудение Запада», отсутствие у господствующего класса идеалов, способных увлечь и объединить общество⁹.

Возросший интерес западных философов и социологов к культуре — характерная примета времени. Звучащая в их работах тревога за судьбы западной культуры, пессимистические констатации морально-духовного упадка, девальвации буржуазно-либеральных ценностей и идеалов, разного рода апокалиптические видения представляют собой не просто явление идеологической аберрации: в преломленном, мистифицированном виде они отражают некоторые реальные, специфически современные проявления общего кризиса капитализма, охватывающего сегодня не только экономическую и политическую сферы, но и сферу культуры. Их работы могут служить своеобразным каталогом духовных недугов западного общества. Они дают богатый фактический материал для марксистского анализа, позволяющего вскрыть действительные причины этих явлений и их место в общей картине современного кризиса капитализма.

Значительный интерес для изучения сугубо актуальной идеологической роли буржуазных культурно-цивилизационных теорий представляют работы видного американского социолога Дэниела Белла^{*}. Его

⁷ R. Sinai, *The decadence of the modern world*, Cambridge, Mass., 1978.

⁸ G. Vickers, *Freedom in a rocking boat: Changing: Changing values in an unstable society*, London, 1972.

⁹ *Images of the future. The twenty first century and Beyond*, ed. by R. Bundy, New York, 1976.

* Социологический анализ кризиса буржуазной культуры и тенденций ее развития, данный Д. Беллом, представляет особый интерес. Этот анализ характерен

книга «Культурные противоречия капитализма», венчающая цикл его работ о «постиндустриальном обществе», быстро стала бестселлером и вызвала целый поток опоров и толкований¹⁰. Этим она обязана не только имени самого автора — создателя «постиндустриальной теории» и мэтра западной футурологии, возглавлявшего известную «Комиссию по 2000 году» Американской академии искусств и наук. Среди многочисленных работ буржуазных авторов, посвященных судьбам западной культуры, книга Д. Белла выделяется подчеркнуто критическим духом и претензией соединить культурологический анализ с известной общесоциологической теорией.

Примечательно то, что американский социолог, еще недавно прогнозировавший оптимистическую перспективу перехода в «постиндустриальную эру», ныне вынужден обратиться от умозрительных футурологических спекуляций к актуальным, животрепещущим проблемам современного Запада. Содержащиеся в его книге констатации напряжений и дисфункций, переживаемых ныне западным (американским) обществом, образуют впечатляющую картину кризиса.

Наиболее глубокую тревогу Д. Белла вызывает кризис в духовной сфере американского общества. Упадок морали, тотальный негативизм, утрата веры в будущее, эскепизм, бегство от разума в сферу эмоций, тяга к иррациональному, всеобщая атмосфера расточительства и жажды наслаждений, напоминающая пир во время чумы (автор называет ее «торжеством Дниониса») — таковы симптомы духовного нездоровья нации. Все это, заключает он, «поставило под вопрос стабильность самой системы»¹¹.

Однако противоречия и конфликты, характерные для эпохи кризиса государственно-монополистической организации (и получившие достаточно полное отражение в марксистской социально-критической литературе), обретают у Д. Белла иное истолкование. Фиксируемые им кризисные процессы современного капитализма Д. Белл пытается объяснить «разъединением сфер» экономики и культуры, фатальным разрывом между принципами высокоиндустриализованной экономики (эффективность, минимальная себестоимость, оптимизация, функциональная рациональность) и ориентацией нынешней модернистской культуры на гедонизм, иррациональные формы поведения, антиинтеллектуализм¹².

Обоснованию этой версии кризиса Д. Белл посвящает сложную систему аргументации, включающей собственные методологические посту-

п типичен для всей современной буржуазной апологетической социологии. Именно поэтому в статье значительное внимание уделено критике концепции Д. Белла.

¹⁰ D. Bell, *The cultural contradictions of capitalism*, London, 1976.

См. об этой работе Д. Белла статьи: Ю. А. Красин, В поисках утраченных ценностей («Вопросы философии», 1976, № 8); Г. Г. Дилигенский, Кризис капитализма и буржуазная идеология («Мировая экономика и международные отношения», 1977, № 2).

¹¹ D. Bell, указ. соч., с. 179.

¹² Там же, с. 84.

латы, исторические экскурсы, прогнозы и т. д., которые и составляют основное содержание его книги. Методологически Д. Белл исходит из деления общества на «три различные сферы: социальную (техно-экономический порядок), политику и культуру». Эти сферы, подчеркивает автор, разъединены и регулируются «различными и даже противоположными осевыми принципами»¹³. «Именно на этих несоответствиях между сферами лежит ответственность за разнообразные противоречия в обществе», — заключает он¹⁴.

Разделение общества на «три сферы» и их противопоставление, на котором строится социология Д. Белла, не является ни новым, ни оригинальным. Оно было в свое время применено представителями «циклических теорий» общественного развития и исчерпывающим образом изложено Арнольдом Тойнби. «Излучение любой цивилизации,— писал А. Тойнби,— можно разложить на три элемента: экономический, политический и культурный. Пока общество находится в стадии роста, все элементы иррадируют с равной силой, а если употребить не физический, а человеческий термин, обладают равным очарованием. Но как только рост цивилизации прекращается, очарование ее культуры улетучивается. Мощь ее экономического и политического излучения может оставаться той же или даже увеличиваться... Но поскольку культурный элемент составляет сущность цивилизации, а экономический и политический элементы — это относительно тривиальные проявления жизни общества, то в результате самые блестящие экономические и политические триумфы оказываются непрочными и несовершенными...»¹⁵.

Однако если у А. Тойнби кризис западной культуры является неоспоримым свидетельством «заката капиталистической цивилизации» (что и объективистски честно констатирует английский историк), то Д. Белл, наоборот, стремится редуцировать все многообразие современного кризиса капитализма к одной лишь его культурной сфере. Переживаемый современным Западом кризис, как утверждает американский социолог, это прежде всего кризис культуры, следствие ее отрыва от «здоровой» экономической основы «индустриального общества». Имманентная логика развития культуры привела к тому, что былое единство экономической и культурной сфер оказалось нарушенным, линии их развития разошлись и ныне отражают несовместимые, противоположные принципы. «Именно в этом разъединении,— пишет он,— состоит исторический культурный кризис всего западного буржуазного общества. Данное культурное противоречие образует, в конечном счете, самый роковой раскол в обществе»¹⁶.

Если капиталистическая экономика является у Д. Белла воплощением рациональности и прогресса, то современная культура изображается ее антиподом, иррациональным и антиинтеллектуальным началом.

¹³ Там же, с. XI.

¹⁴ Там же, с. 10.

¹⁵ A. Toynbee, *Study of History*, vol. I—VI, New York, 1947, pp. 405—406.

¹⁶ D. Bell, указ. соч., с. 84.

Коль скоро неспособность нынешней культуры идти в ногу с технико-экономическим развитием — «причина» кризиса, то «обновление культуры» должно стать радикальным средством избавления капитализма от кризиса. Таков общий смысл концепции Д. Белла и его реформистской «программы».

Нынешнему «разъединению сфер» экономики и культуры Д. Белл противопоставляет картину их былого единства в американском обществе конца XVIII—начала XIX в., когда меркантильный уклад жизни эпохи *laissez faire* совпадал с «классической» буржуазной системой ценностей, а свободное предпринимательство освящалось «моральной системой пуританского обожествления труда»¹⁷. «Традиционная» буржуазная система ценностей, воплощенная в протестантской этике и пуританизме, представляется Д. Беллу в качестве образца культуры, обеспечивавшей необходимый моральный стимул активности личности, а вместе с этим основу духовного здоровья и социальной стабильности общества.

Данная система ценностей рассматривается Д. Беллом как своего рода «моральный двигатель» всего общественного развития, который стимулировал и даже вел за собой экономику. Настаивая на решающей, доминирующей роли культурного фактора в развитии капитализма на его раннем этапе, автор тем самым надеется получить историческое подтверждение своей идеи «культурного детерминизма».

Рассуждения Д. Белла пролегают в русле известной в американской социологии традиции, восходящей к работам Макса Вебера (на которого прямо ссылается Д. Белл). Получившая широкую известность концепция М. Вебера содержит обстоятельный анализ системы нравственных ценностей протестантизма, создававших ту общую духовную атмосферу, в которой происходило бурное развитие капитализма в США. Однако связь между нормами протестантской морали и буржуазным предпринимательством получает у М. Вебера перевернутый, идеалистически искаженный характер: не частнокапиталистическая собственность служила основой, на которой процветал дух предпринимательства и наживы, а, наоборот, сама существовавшая в обществе мораль определяла характер общественных отношений капитализма. Он считает, что главным стимулом к труду в раннебуржуазном обществе были не материальные интересы, а проповедуемая протестантской религией мораль с ее культом трудолюбия, идеей служения богу в труде, труда как пути спасения души. Отмечая свойственную буржуазному обществу «страсть к приобретательству», М. Вебер также связывает ее не с наличием частной собственности, товарно-денежных отношений, классовой противоположности, а с определенными морально-духовными «ценностями», воплощенными в протестантизме.

Протестантская этика, как и вся система буржуазных ценностей, сыграла, безусловно, немаловажную роль «идеологического катализа-

¹⁷ Там же.

тора» в ускоренном развитии американского капитализма. Однако она была побочным, сопутствующим и во многом производным моментом уже сложившихся экономических отношений капитализма, поддерживалась и стимулировалась этими отношениями. Основным мотивом деятельности индивида при капитализме является экономическое принуждение. Отражаясь в общественном сознании, эта основная мотивация порождает свои особые стимулы к деятельности, на которых вырастает индивидуалистическая психология, идеология и мораль. Являясь духовным продуктом частнособственнических отношений, страсть к приобретательству нашла свое идеологическое выражение в буржуазной системе ценностей, придавшей этой страсти моральное и даже религиозное обоснование.

Д. Белл, вслед за М. Вебером, впадает в явную идеализацию системы буржуазных ценностей, не видит ее классового характера, внутренней двойственности и противоречивости. Ее проповедь «труда» как высшей добродетели лицемерно благославляла как производительный труд наемных работников, подвергавшихся эксплуатации, так и деятельность эксплуатировавших их предпринимателей (согласно протестантизму, всякий бизнес есть уважаемый труд, греховно безделье). Двойкий смысл имела и пуританская бережливость и самоограничение: для широких масс она звучала как проповедь аскетизма, оправдание лишений, тогда как для предпринимателей она была созвучна их «страсти» к накопительству и приумножению капитала.

В своем стремлении представить «классический» капитализм в сугубо привлекательном свете Д. Белл готов поступиться даже собственными, достаточно трезвыми оценками веберовской концепции, высказанными ранее. В своей книге «Конец идеологии», изданной в 1960 г., Д. Белл выступал против веберовской абсолютизации морально-этических факторов в деятельности индивида в буржуазном обществе. Возможно, отмечал тогда не без иронии Д. Белл, буржуа-предприниматель и был таким, как его описывает Вебер, однако этого нельзя сказать о рабочих: то, что заставляло рабочих XVIII—XIX вв. работать, был голод¹⁸. Эта высказанная в прошлом мысль Д. Белла гораздо более близка к истине, чем рисуемый ныне романтизированный образ прежнего капитализма. Обстановка нещадной эксплуатации и нечеловеческих условий жизни рабочих в ситуации жестокого экономического принуждения, характерная для эпохи «классического» капитализма, получила широкое отражение в художественной и социологической литературе. Одним из выразительнейших документальных свидетельств тому является работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Проводимое Д. Беллом противопоставление нынешнего кризисного состояния «разобщенности сфер» былой эпохе их гармонического единства представляет собой способ анализа, весьма распространенный

¹⁸ D. Bell, *The end of ideology*, Glencoe, 1960, p. 245.

п ставший своего рода штампом в буржуазной социологии США. Сопоставление «двух эпох», «двух стадий» имсет целью выделить «здоровое ядро» буржуазного общества, отмежевать его от современных кризисных явлений как якобы внешних, не соответствующих и даже противоположных самой сути капитализма. Современные США, обремененные грузом противоречий и проблем, противопоставляются динамичному прошлому страны, а нынешние проявления морально-духовного кризиса предстают как будто бы в корне противоположные традиционной «позитивной» системе духовных ценностей. Особенно громкое пропагандистское звучание этот мотив получил в связи с 200-летием образования США.

Подобного рода трактовки явлений морально-духовного упадка как всего лишь «досадного отклонения» от официально господствующей в обществе морали носят мистифицирующий характер. В них исходят из абстрактно-формальных представлений о господствующей системе ценностей, безотносительно к реально действующей в обществе морали, действительной этнической и поведенческой практике членов буржуазного общества.

Официально провозглашаемая система идеологических и моральных ценностей составляет внешнюю сторону, рекламный фасад буржуазного общества. Включаемые в нее такие категории, как «честность», «порядочность», христианские заповеди «братства» и «любви к ближнему» несовместимы с господствующей в обществе эксплуатацией человека человеком, конкурентной борьбой и классовыми антагонизмами. Официальные ценности носят в значительной мере декларативный характер и весьма далеки от действительных принципов и мотивов поведения, диктуемых самой природой буржуазных общественных отношений. В основе реально действующей морали лежит буржуазный индивидуализм, а главной нравственной ценностью является идеал «личного успеха», измеряемого наличием частной собственности, капитала или же доходной должности в корпоративной и политико-бюрократической иерархии, обеспечивающими власть над людьми, престиж и комфорт¹⁹.

Буржуазный индивидуализм был и остается общей морально-духовной основой капиталистического общества как на ранней, так и на современной стадиях его существования. Но если прежде он демонстрировал себя в форме раннебуржуазного оптимизма, то на этапе общего кризиса капитализма его неизменными спутниками стали разочарование и пессимизм.

Буржуазно-индивидуалистический идеал сталкивается с реальной действительностью, которая все более сужает возможности его осуществления. На государственно-монополистическом этапе возможности индивидуального бизнеса, как показал кризис 1929 г. в США, оказались в основном монополизированными, а романтическая фигура

¹⁹ Ю. А. Замошкин, Кризис буржуазного индивидуализма и личность, М., 1966.

свободного предпринимателя, «рыцаря наживы», удачливого покорителя «дикого Запада» сохранилась лишь как художественный образ. Единственным путем обогащения осталось подключение к совокупному капиталу корпорации, «капитализация должности», конкурентная борьба за место в корпоративной иерархии. Этот вид конкуренции, ввиду ее мелочного и ожесточенного характера получивший название «крысиных бегов в закрытой комнате», требует от каждого участника предельной индивидуалистической целеустремленности и в то же время тщательного камуфлирования своих интенций под маской корпоративной солидарности. Оставаясь индивидуалистом, человек должен в то же время демонстрировать приверженность к корпоративной собственности и дух «коллективизма», сознательно лицемерить. Ценой успеха оказывается своего рода «расщепление» личности. *«Человеческая индивидуальность, человеческая мораль»* сами стали предметом торговли и тем *материалом*, в котором существуют деньги», — писал об этой особенности буржуазного общества К. Маркс²⁰.

Будучи воспитаны на ценностях буржуазного индивидуализма, многие люди в результате своего социально-классового положения не могут, однако, придерживаться их на практике. Индивидуалистический идеал «успеха» оказывается лишь провоцирующей лотерейной возможностью. Неизбежным результатом становится разочарование в основополагающих буржуазных ценностях, утрата жизненных идеалов и целей. Кризис буржуазного индивидуализма, являющийся закономерным следствием развития основных противоречий капитализма, сопровождается ростом социальных болезней личности, потерей смысла жизни, нравственным распадом. Реакцией на «обманутые надежды» становится социальная апатия, конформизм либо анархический, иррациональный бунт.

Проявления этих настроений разочарования и неудовлетворенности отмечены и в упоминавшейся уже книге Д. Белла *«Конец идеологии»* и в его последней работе. Современное американское общество, отмечает автор, лишено общезначимых идеалов и ценностей, не дает молодому поколению возможности реализовать потребность в «самовыражении» и «самоопределении». Это порождает «глубокий, отчаянный, почти патологический гнев»²¹. В качестве пути решения этой проблемы Д. Белл предлагает создать некую «новую общественную философию», которая сочетала бы в себе ценности индивидуализма с целями и потребностями всего общества. «Проблема заключается в том, — пишет американский социолог, — чтобы выработать общие цели и в то же время сохранить индивидуальные средства их достижения, а также определить индивидуальные (и групповые) потребности и найти общие средства для их примирения»²². Подобный рецепт, эклектично соединяющий ценностные установки индивидуализма с «коллективизмом», не может быть действи-

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 42, с. 22.

²¹ D. Bell, *The end of Ideology*, pp. 374—375.

²² D. Bell, *The cultural contradictions of capitalism*, p. 279.

тельным решением проблемы, поскольку не устраняет ее социально-экономических корней. Он лишь показывает реформистскую ограниченность «программы» Д. Белла, предполагающей увековечение в той или иной форме буржуазного индивидуализма, его частнособственнической основы.

Сыграв исторически прогрессивную роль в борьбе против феодализма, его идеологии и морали, принципы буржуазного индивидуализма впоследствии обнаруживают свою историческую ограниченность, приходят в столкновение с объективным процессом обобществления производства. Этот конфликт, получающий все более напряженные, а порой иррациональные выражения, является одним из проявлений противоречия между отношениями частной собственности и общественным характером производства.

Попытки Д. Белла отмежевать кризисные проявления буржуазного сознания от его исконной основы оказываются неубедительными. Противопоставляя модернистскую культуру «традиционным» буржуазным ценностям, автор в то же время вынужден признать, что принцип «неограниченного самовыражения», лежащий в основе модернизма, «был продуктом буржуазного общества с его прославлением безудержного индивидуализма»²³. Признание достаточно красноречивое. Но оно далеко не полно отражает суть дела: буржуазный индивидуализм присутствует в культуре не только как стремление к «неограниченному самовыражению»: он составляет глубинную основу самого буржуазного сознания, пронизывая идеологию, мораль, художественную культуру.

Современная культура модернизма, как и противопоставляемая ей Д. Беллом «классическая» система буржуазных ценностей, в действительности являются исторически конкретными выражениями генетически общих для них принципов буржуазного индивидуализма. Гедонизм на поверку предстает как обратная сторона пуританского ригоризма (распространенная среди молодежи «мораль развлечений» возникла как гипертрофированная реакция против лицемерия и ханжества официальной «пуританской» морали), традиционная буржуазная страсть к приобретательству ныне получает свое проявление в индивидуально-потребительской психологии; своекорыстная расчетливость в вопросах собственной прибыли всегда шла рука об руку с хищнической расточительностью по отношению к природным и человеческим ресурсам общества, а на другом полюсе эксплуатируемого труда неизменно существовали перверсивные формы досуга — праздность господствующих элит и «вынужденный досуг» миллионов безработных.

Иррациональность модернистской культуры, противопоставляемая Д. Беллом «рациональности» экономической сферы, в конечном счете отражает иррациональность капиталистического бытия. Буржуазная, частичная рациональность, ограничивающаяся рамками отдельных звеньев социального механизма, существует на фоне рыночной стихии и

²³ Там же, с. 144.

общей иррациональности всего механизма общественной организации государственно-монополистического капитализма. Конфликт между рациональной организованностью средств деятельности и иррациональностью целей общества, антигуманными социальными результатами его развития порождает неверие в человеческий разум. Одним из проявлений такого неверия является иррационализм и антиинтеллектуализм в современном модернистском искусстве.

Глубокая внутренняя противоречивость буржуазного общества, противоречивость породившей им культуры, коренящаяся в антагонизме между развивающимися производительными силами и буржуазными общественными отношениями, была вскрыта классиками марксизма. Очевиден тот факт, отмечал К. Маркс в своей речи на юбилей «The People's Paper», что к жизни пробуждены невиданные прежде промышленные и научные силы. В то же время повсеместно «видны признаки упадка, далеко превосходящего все известные в истории ужасы последних времен Римской империи»²⁴. Эти объективные процессы вызывают все более глубокую противоречивость буржуазной культуры. «В наше время все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор не известные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятым чарам превращаются в источник нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества»²⁵.

Своеобразие концепции Д. Белла состоит в парадоксальном сочетании внешнего прогрессизма с консервативной сущностью. Американский социолог обвиняет современную культуру в «отставании» от технико-экономического уровня развития, настаивает на «радикальном культурном обновлении». Однако альтернативу он видит не в прогрессивном развитии культуры на путях расширения ее демократических тенденций, а в создании тех или иных религиозных суррогатов. «Подлинной проблемой современности, — декларирует Д. Белл, — является проблема веры. Выражаясь немодным термином, это проблема духовного кризиса, поскольку новые якоря спасения стали иллюзорными, а старые оказались затопленными... Что же обратит человека к подлинной сущности, если его мирская система значений оказывается иллюзией?» — риторически вопрошает американский социолог и дает следующий ответ: «возврат западного общества к некой концепции религии»²⁶.

Автор, упрекающий современную модернистскую культуру в иррациональности и антиинтеллектуализме, ратует за ее замену религией.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, с. 3.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, с. 4.

²⁶ D. Bell, The cultural contradictions of capitalism, p. 29.

Это противоречие говорит не только о капитуляции Д. Белла перед задачей найти действительный путь преодоления «культурного кризиса», путь дальнейшего прогресса культуры. Оно свидетельствует вместе с тем о его узкоутилитарном, функционально-манипуляторском подходе к культуре. Американский социолог обеспокоен главным образом функциональной несостоятельностью наличной культуры, ее неспособностью более давать моральное оправдание системы, формировать общественное самосознание, направлять поведение человека, быть «мотивирующей и объединяющей силой»²⁷. Вменяя в вину современной культуре утрату «теологического авторитета», неспособность дать «трансцендентальную систему конечных значений», неспособность увлечь и объединить людей, Д. Белл видит в возрождении этих качеств, создании новых культов и «ритуалов объединения» главный путь «функционального восстановления» буржуазной идеологии.

«Я — консерватор в культуре», — признается Д. Белл в одном из своих журнальных выступлений²⁸. Однако он не столь откровенен относительно антидемократического содержания своей концепции. Отвергая современную культуру, он тем самым отрицает и ее прогрессивные, гуманистические элементы, живущие в ней демократические тенденции. «Радикализация» современной культуры, ее растущая связь с движениями протеста относятся Д. Беллом к числу ее «пороков». Острые его критики направлены против бунтарских, оппозиционных истеблишменту элементов общественного сознания. Автор обрушивается на «контркультуру» и идеологию левых радикалов, чей протест против буржуазного «технократического общества» расценивается им как «атака против самого разума»²⁹. Разумеется, леворадикальное движение имело свои слабые стороны, связанные прежде всего с его стихийным, неорганизованным характером, анархическими формами протеста. Важно, однако, то, что этот протест был ответом на насилие буржуазного общества по отношению к личности. Положительным итогом леворадикального движения было массовое освобождение от иллюзий «процветающего общества», переоценка ценностей буржуазной культуры.

Поворот Д. Белла от «деидеологизации» к религиозному обновлению, от технофетишизма к культу «веры» — свидетельство внутренней противоречивости и методологической слабости его теоретических построений. Но он примечателен еще и тем, что отражает конъюнктурные сдвиги в буржуазной апологетике в целом — от эйфории «деидеологизации» 60-х к курсу на «реидеологизацию» в 70-е годы.

Характеризуя этот поворот, американский социолог Бенджамин Клейнберг отмечает, что если прежде в центре внимания Д. Белла и других теоретиков «постиндустриализма» было столкновение между научно-рациональным подходом технократов и «иррациональностью» по-

²⁷ Там же, с. 84.

²⁸ D. Bell, Modernism and capitalism („Partisan Review“, 1978, № 2, p. 209).

²⁹ D. Bell, The cultural contradictions of capitalism, p. 143.

литиков, то теперь они усматривают главную опасность в растущих оппозиционных тенденциях в сфере культуры и идеологии. «Нынче глубокие проблемы постиндустриального американского общества приписываются главным образом разрыву между «функционально рациональной» социальной структурой и гедонистической «иррациональной» культурой, тогда как перспективы и курс административной и политической элит, доминирующих в главных институциональных структурах общества, их конфликты и альянсы все чаще выпадают из сферы анализа, — пишет Б. Клейнберг. — Одновременно теория «конца идеологии» совершает резкий поворот от декларирования «истощения» идеологических или культурных оппозиционных движений в развитом постиндустриальном обществе к прямо противоположным утверждениям об их экспансии, распространяющейся на всю культуру в целом!»³⁰.

Курс на идеологическое перевооружение и заметная активизация буржуазной апологетики, резко возросшая в последние годы, весьма симптоматичны. Они свидетельствуют о стремлении господствующего класса капиталистических стран максимально использовать идеологические средства в целях стабилизации общества, переживающего кризис.

ԿԱՊԻՏԱԼԻԶՄԻ ՃԳՆԱԺԱՄԸ ԵՎ ՄՇԱԿՈՒՅԹԸ (1970-ԱԿԱՆ ԹՎԱԿԱՆՆԵՐ)

ԷԴՈՒԱՐԴ ԴԵՄԵՆՉՈՆՈԿ (Մոսկվա), ԲԱԳՐԱՏ ԴԱՐԻԲԺՅԱՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Արդի կապիտալիզմի հակասություններն ու ճգնաժամային երևույթները նոր ուժով են արտահայտվում այդ հասարակարգի ոչ միայն տնտեսական ու քաղաքական ոլորտներում, այլև գաղափարախոսության, ընդհանրապես հոգևոր մշակույթի մեջ: Բուրժուական սոցիալ-փիլիսոփայական մտքի առաջատար ներկայացուցիչներն իրենց կոնցեպցիաներում արձանագրելով կապիտալիզմի մշակույթի ճգնաժամը բնորոշող այնպիսի միտումներ, ինչպիսիք են ժամանակների ու սերունդների կապը խորհրդանշող բարոյագեղագիտական արժեքների ու իդեալների վերասերումը, բուրժուական քաղաքակրթության ապագայի նկատմամբ լիրերալ-հումանիստական պատրանքների խորտակումն ու կուլտուր-պատմական հոռետեսությունը, սեփական դասակարգային, աշխարհայացքային սահմանափակվածության պատճառով ի վիճակի չեն մատնանշել դրանց հաղթահարման իրական ուղիները, քանի որ չեն ընդունում բուրժուական հասարակության հիմքերի հեղափոխական վերափոխման անհրաժեշտությունը:

³⁰ B. Kleinberg, American society in the postindustrial Age: Technocracy, Power and the End of Ideology, Columbus, Ohio, 1973, p. 275.